

576

АКАДЕМИЯ
МИНИСТЕРСТВА
ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ

На правах рукописи

БОЖЬЕВ ВЯЧЕСЛАВ ПЕТРОВИЧ

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ
ПРАВООТНОШЕНИЯ

Специальность 12.00.09.
Уголовный процесс, криминалистика
и судебная экспертиза

Диссертация на соискание ученой степени
доктора юридических наук
в форме научного доклада,
выполняющего также функции
автореферата

Вячеслав Божьев
20.02.94

Москва · 1994

43/53

21 02 94

124
21 02 94

АКАДЕМИЯ МВД РФ

Специализированный совет Д-052.01.02

На правах рукописи

БОЖЬЕВ ВЯЧЕСЛАВ ПЕТРОВИЧ

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ
ПРАВООТНОШЕНИЯ

Специальность 12.00.09.

Уголовный процесс, криминалистика
и судебная экспертиза

Диссертация на соискание ученой степени
доктора юридических наук
в форме научного доклада,
выполняющего также функции
автореферата

Москва • 1994

Диссертация в форме научного доклада подготовлена в Академии МВД
РФ

В 01 002 099

Національний юридичний університет
імені Ярослава Мудрого
НАУКОВА БІБЛІОТЕКА
Інв. № 22694 А

Официальные оппоненты:

доктор юридических наук, профессор *Лупинская П. А.*,
доктор юридических наук, профессор *Корухов Ю. Г.*,
доктор юридических наук *Щерба С. П.*

Ведущая организация — Институт законодательства и сравнительного правоведения.

Защита диссертации состоится «24» 03 1994 г., в 14³⁰ час.,
в ауд. 301 совета на заседании специализированного совета по
присуждению ученой степени доктора юридических наук Д-052.01.02 Акаде-
мии МВД РФ (125171, Москва, ул. З. и А. Космодемьянских, 8).

С научными трудами диссертанта можно ознакомиться в библиотеке Ака-
демии МВД РФ.

Научный доклад, выполняющий функции автореферата, разослан «21/02»
1994 г.

Ученый секретарь
специализированного совета Д-052.01.02
Академии МВД РФ
доктор юридических наук,
профессор

Д. К. НЕЧЕВИН

ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ

Актуальность темы. Проблема правоотношений в уголовном судопроизводстве неизменно актуальна, так как правоотношения составляют его сущность, воплощают принцип законности. Но особо важное значение эта проблема приобретает в связи с принятием новой Конституции Российской Федерации, закреплением в ней принципа разделения властей на законодательную, исполнительную и судебную; объявлением России правовым государством (ст. 1, 10). Осуществляемое в стране обновление всей правовой основы государства органически охватывает и такую существенную ее часть, как уголовно-процессуальное право. Концепция судебной реформы, внесенная Президентом и одобренная высшим законодательным органом страны 21 октября 1991 г., предусматривает радикальное обновление судебной системы и уголовного судопроизводства, которое она рассматривает в качестве важнейшего и безальтернативного механизма «защиты основных прав и законных интересов граждан в экстремальной ситуации преступного правонарушения» (Концепция судебной реформы в Российской Федерации. — М., 1992. С. 7). Центральное место в этом механизме принадлежит уголовно-процессуальным отношениям, через которые могут быть не только реализованы процессуальные права граждан, вовлеченных в сферу уголовного процесса, но и защищены их материально-правовые интересы.

Разработка проблемы уголовно-процессуальных правоотношений имеет важное методологическое значение для уголовного процесса, создает основу для глубоких теоретических исследований многих не только общих, но и частных, прикладных вопросов уголовного судопроизводства, применения норм уголовно-процессуального права, правового положения субъектов этих отношений, совершенствования уголовно-процессуального законодательства.

Различным аспектам проблемы правоотношений, реализации субъективных прав и обязанностей в рамках правовых отношений посвящены работы специалистов различных отраслей права, в том числе таких, как: Н. Г. Александров, С. С. Алексеев, Л. Б. Алексеева, С. Н. Братусь, Н. А. Беляев, А. Д. Бойков, Я. М. Брайнин, И. М. Гальперин, В. М. Горшенев, В. Г. Даев, Н. И. Загородников, Л. М. Карнеева, М. П. Карпушин,

С. Ф. Кечекьян, А. С. Кобликов, М. И. Ковалев, Л. Д. Кокорев, В. Н. Кудрявцев, Н. Ф. Кузнецова, В. И. Курляндский, В. В. Лазарев, А. М. Ларин, В. З. Лукашевич, П. А. Lupинская, Г. М. Миньковский, А. В. Мицкевич, А. В. Наташев, П. Е. Недбайло, И. С. Ной, Н. А. Огурцов, И. Л. Петрухин, А. А. Пионтковский, Н. Н. Полянский, А. Л. Ривлин, В. М. Савицкий, Н. А. Стручков, М. С. Строгович, Ю. К. Толстой, Е. А. Фролов, Р. О. Халфина, Н. А. Чечина, М. С. Шакарян, М. Д. Шаргородский, С. А. Шейфер, С. П. Щерба, П. С. Элькинд, Л. С. Явич, Н. А. Якубович и другие.

Следует, однако, заметить, что учение о правоотношении в российской литературе в течение многих лет формировалось в условиях командно-административной системы, когда замалчивались многие негативные явления, связанные с грубейшим нарушением законности, ущемлением прав и законных интересов человека и гражданина. В этих условиях учение о правоотношениях вообще, а в уголовном праве и в уголовном процессе в особенности не могло охватить многие существенные стороны своего предмета, а ряд аспектов исследовался в заданных извне границах, без должной всесторонности и объективности, ряд реалий уголовного процесса оставались вне поля зрения науки.

В современных условиях необходимы новые подходы в разработке теории правоотношений, чему в значительной степени способствует новое отношение к человеку и гражданину, обновление законодательства прежде всего с позиций повышения эффективности правовых средств защиты интересов личности в российском обществе. Указанные обстоятельства способствовали выбору темы исследования.

Объект и предмет исследования. В качестве объекта исследования в рамках темы рассмотрены уголовно-процессуальные отношения, представляющие собой сущность уголовного процесса в правовом государстве; закономерности их существования и развития. Поскольку основу любых общественных отношений составляют субъекты и их действия, постольку они (субъекты и действия) также находились в сфере данного исследования. Ввиду того что уголовно-процессуальные отношения существуют и могут существовать только как отношения правовые, изучая их, нельзя одновременно не изучать закономерности процессуально-правового регулирования, реализацию соответствующих норм. С учетом того, что процессуальные отношения детерминированы уголовно-правовыми отношениями, последние в необходимых пределах также включены в объект исследования по теме. При этом особенно тщательно рассмотрены вопросы связи этих отношений с процессуальными отношениями, их взаимодействие.

Предметом исследования данной темы являются нормы права: прежде всего уголовно-процессуальные, а также (поскольку это обусловлено интересами исследования избранной темы)

уголовно-правовые и гражданско-процессуальные. Действия указанных норм невозможно изучить без обращения к судебной и следственной практике, а также источникам норм уголовно-процессуального права.

Цели и задачи исследования. Цели исследования заключаются в уяснении сущности уголовно-процессуальных отношений, их методологического значения, определении их места в уголовном судопроизводстве, раскрытии их структуры и состава, включая объект правоотношений, содержание, форму (внешнюю и внутреннюю), субъектов этих отношений, а также юридические факты, от которых зависит возникновение, развитие, выполнение «служебных» функций правоотношениями, их прекращение и возобновление. Автор видел свои задачи не только в чисто теоретическом исследовании указанных проблем, но также и в разработке комплекса предложений по совершенствованию нормативной базы правоотношений и практики правоприменения органами внутренних дел, прокуратуры, суда и других учреждений и субъектов, наделенных законом процессуальными полномочиями.

В процессе исследования и реализации результатов исследования в различных формах решались следующие задачи:

- раскрыть сущность уголовно-процессуальных отношений на базе философских представлений о содержании и форме, объективном и субъективном в социальной жизни, праве и правоприменении;
- определить и обосновать служебную роль уголовно-процессуальных отношений, рассматривая в качестве их детерминанта уголовно-правовые отношения;
- дать понятийную и содержательную характеристику соотношения и взаимодействия уголовного права с уголовно-процессуальным правом и уголовным процессом;
- определить элементы уголовно-процессуальных отношений: их объект (общий и специальный), содержание, форму, субъектный состав;
- установить связь уголовно-процессуальных норм и уголовно-процессуальных отношений, момент возникновения отношений, время их действия;
- исследовать специфику характера действия этих отношений на разных стадиях и этапах судопроизводства;
- выяснить соотношение правовых норм и источников (форм) уголовно-процессуального права, раскрыть значение точных знаний о их соотношении и соподчинении в процессе регулирования уголовно-процессуальных отношений;
- определить круг субъектов применения норм уголовного, уголовно-процессуального и гражданско-процессуального права при разрешении заявлений и сообщений о преступлении, расследовании уголовных дел и их рассмотрении судом;

— выявить значение постановлений пленума Верховного суда Российской Федерации, актов Генерального прокурора и МВД России для обеспечения правоприменения на досудебных этапах и в судебных стадиях уголовного процесса;

— охарактеризовать роль, значение, взаимоотношение деятельности в сфере уголовного судопроизводства различных групп субъектов отношений, прежде всего субъектов правоприменения (лиц, ответственных за ведение уголовного дела), а также лиц, имеющих свои процессуальные интересы, их защитников и представителей;

— сформулировать предложения по совершенствованию действующего уголовно-процессуального законодательства, его изменению, дополнению, а также практики применения.

Методологические основы и методика исследования. Теоретической базой исследования послужили работы в области философии, общей теории права, уголовного процесса, уголовного права, гражданского процесса, криминалистики, судостроительства, прокурорского надзора, адвокатуры.

Использованы общие и частные методы исследования, в том числе: комплексный, исторический, сравнительно-правовой, конкретно-социологический. Автором при его руководстве или участии проведены социологические исследования не только в Российской Федерации, но и в Казахстане, Киргизии, Литве, на Украине, в Белоруссии, а также в Польше, Чехии, Словакии. Использованы материалы исследований, проведенных другими специалистами учебных и научных заведений МВД РФ, Генеральной прокуратуры РФ, МЮ РФ.

В процессе исследования изучался и использовался материал, накопленный в органах внутренних дел России, расследованные и рассмотренные судами уголовные дела, материалы обобщения практики Верховным судом РФ. В своих работах автор широко использует опубликованные и неопубликованные материалы судебной и следственной практики. Использован практический опыт автора, в том числе его многолетняя деятельность в качестве члена Научно-консультативного совета Верховного суда РФ.

Исследование осуществлялось свыше двадцати пяти лет и реализовалось в виде комплекса публикаций, материал которых объединен единой концепцией и методологией.

Научная новизна, теоретическая и практическая значимость результатов исследования. Научная новизна исследования состоит прежде всего в том, что впервые в комплексе исследованы теоретические и прикладные проблемы уголовно-процессуальных отношений, включая проблематику, связанную с судебной реформой; их значение, взаимосвязь с уголовными материальными и гражданско-процессуальными отношениями; раскрыты структура, система и элементы состава уголовно-процессуальных отношений; показана связь уголовно-процессуальных

отношений с нормами права; исследована иерархия норм уголовно-процессуального права, регулирующих отношения на разных этапах судопроизводства; высказана позиция по вопросам возникновения и времени действия уголовно-процессуальных отношений (1, 7, 47). Признавая детерминирующую роль уголовно-правовых отношений по отношению к уголовно-процессуальным отношениям, автор подчеркивает ошибочность взглядов тех, кто рассматривает уголовно-процессуальные отношения только как форму реализации уголовно-правовых отношений (1, 47, 67, 98). Уголовно-процессуальные отношения имеют свое содержание и форму (внешнюю и внутреннюю). Однако это не мешает признать, что уголовно-процессуальные отношения носят субъективный характер в аспекте их связи с уголовно-правовыми отношениями, а последние по отношению к первым носят объективный характер. Учитывая не только методологическое, но и практическое значение уголовно-процессуальных отношений, автор исследовал правовое положение основных субъектов уголовно-процессуальных отношений, разработал ряд взаимосвязанных предложений по совершенствованию действующего законодательства и практики его применения органами расследования и судом.

Проблема уголовно-процессуальных отношений принадлежит к числу фундаментальных и наиболее масштабных в науке уголовно-процессуального права. Поскольку же она имеет непосредственное отношение к разработке теоретических и прикладных вопросов обеспечения прав и свобод человека и гражданина, то тем самым она выходит за рамки интересов лишь науки уголовного процесса. Разработка указанных вопросов имеет значение для развития науки уголовного права, общей теории права, уголовной политики, правотворчества.

Научные рекомендации автора, сформулированные в результате анализа законодательства и практики его применения, используются в правотворческой и правоприменительной деятельности, многие из них внедрены в практику органов расследования и суда, а также в учебный процесс юридических учебных заведений России.

На основе теории уголовно-процессуальных правоотношений автором разработаны, опубликованы, в значительной степени внедрены предложения по совершенствованию законодательства, направленные на создание необходимых гарантий, обеспечивающих независимость следователей, дознавателей, судей, прокуроров (36, 42, 46, 64, 72). Автор сформулировал свои позиции о действии аналогии в уголовном процессе, об уголовно-процессуальной дееспособности, о применении норм уголовно-процессуального, гражданско-процессуального и уголовного права при производстве по уголовному делу (1, 25, 30, 31, 34, 63, 66, 84). Им подготовлены, изданы и находятся в стадии

реализации предложения по уточнению понятий потерпевшего, гражданского истца, их представителей, усилению гарантий их прав (6, 25, 27, 29, 40, 43, 52, 57, 71, 76). Ряд идей и предложений высказаны в части усиления права на защиту обвиняемого, подозреваемого; обеспечения этого права; выбора защитника; создания в нормах закона и обеспечения на практике свидетельского иммунитета (4, 19, 37, 73, 87, 93) и т. п. Автор первый в литературе исследовал появление в современном российском уголовном процессе нового субъекта отношений — защитника подозреваемого (23, 79).

В соответствии с проведенным исследованием, результаты которого отражены в опубликованных работах, которые указаны в автореферате, на защиту выносятся следующие основные положения:

1. Понятие уголовно-процессуальных отношений, которые:

- в совокупности составляют сущность уголовного процесса;
- связаны с уголовно-правовыми отношениями, играющими роль детерминанта уголовно-процессуальных отношений;
- выполняют служебную роль по установлению уголовно-правовых отношений и применению уголовной ответственности;
- реализуют вторую (субсидиарную) задачу по установлению гражданско-правовых отношений в связи с предъявлением гражданского иска в уголовном процессе;
- носят субъективный характер по отношению к уголовно-правовым отношениям;
- осуществляют не только регулятивную, но и охранительную функцию.

2. Положения о сфере, моменте возникновения и времени действия уголовно-процессуальных правоотношений.

3. Концепция состава уголовно-процессуальных правоотношений.

4. Положения о субъектах уголовно-процессуальных отношений: их понятии, многосубъектности, субъектах-правоприменителях, субъектах уголовно-процессуального права и субъектах уголовно-процессуальных отношений.

5. Выводы об адресатах уголовно-процессуальных норм, применении норм уголовного материального и процессуального права, о связи нормы уголовно-процессуального права и правоотношения, соотношении источников уголовно-процессуального права, применении норм гражданского процессуального права в уголовном процессе.

6. Предложения об уточнении нормативного понятия потерпевшего, гражданского истца, других субъектов отношений, о включении в УПК России норм об уголовно-процессуальной дееспособности, о применении норм УПК по аналогии, о применении норм ГПК при производстве по уголовному делу, о более четкой регламентации права выбора обвиняемым, подозреваемым защитника.

Апробация и практическая реализация результатов исследования. Результаты исследований опубликованы в 104 работах общим объемом свыше 200 п. л., из которых: монографий — 6, учебников — 6, учебных и научно-практических пособий — 12.

Работы автора (шесть учебников и восемь пособий) внедрены в учебный процесс высших юридических учебных заведений. Ряд пособий используются в практике следователей, дознавателей, судей, прокуроров. Комментарий к УПК РСФСР (изданный трижды тиражом от 50 тыс. до 100 тыс. экз.), к числу основных авторов которого принадлежит диссертант, является одним из ведущих ориентиров следственной и судебной практики.

Результаты исследований использованы автором в законопроектной работе, в которой он на протяжении трех десятилетий участвовал в подготовке проектов Основ законодательства о судостроительстве и судопроизводстве, Уголовно-процессуального кодекса РФ, законов о прокуратуре, судостроительстве и т. п. В качестве эксперта, рецензента и консультанта участвовал в подготовке кодификационных актов и проектов о внесении изменений и дополнений в законы. Результаты исследований апробированы рядом научных конференций и совещаний, в которых автор выступил с научными сообщениями.

Автор принимал участие в подготовке всех руководящих постановлений пленума Верховного суда РФ, принятых за последние 20 лет по вопросам уголовного процесса, в том числе: о соблюдении судами процессуального законодательства при судебном разбирательстве уголовных дел; о практике рассмотрения жалоб и дел о преступлениях, преследуемых в порядке частного обвинения; о некоторых вопросах, связанных с применением норм УПК, регулирующих возвращение дел на дополнительное расследование; о судебной проверке жалоб на решения об аресте на предварительном следствии (1993 г.).

Материалы исследования использованы автором в выступлениях на заседаниях пленума Верховного суда Российской Федерации (Бюллетень Верховного Суда РСФСР. 1975. № 12; 1979. № 12; 1984. № 7; 1989. № 11; 1993. № 7); при подготовке, консультировании и рецензировании ведомственных актов МВД РФ.

Факты внедрения результатов научных исследований в практику работы судей, следователей, других сотрудников правоохранительных органов, их подготовку подтверждаются пятью актами о внедрении, полученными от Верховного суда РФ, Следственного комитета МВД РФ, Управления правового обеспечения МВД РФ и др.

Структура работы. Доклад состоит из: 1) общих положений; 2) краткой характеристики основных проблем, рассмотренных в опубликованных работах; 3) списка основных публикаций по теме исследования.

КРАТКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ОСНОВНЫХ ПРОБЛЕМ, РАССМОТРЕННЫХ В ОПУБЛИКОВАННЫХ РАБОТАХ

1. Уголовно-процессуальные и уголовно-правовые отношения: сущность, соотношение

1.1. Исследуя проблемы общественных отношений, функционирующих в уголовном судопроизводстве, автор учитывал положения философской науки, согласно которым: а) общество представляет собой совокупность связей и отношений его индивидов; б) основой всей системы общественных отношений являются те из них, которые складываются в ходе производства материальных благ; в) отношения, существующие независимо от воли и сознания людей, признаются объективными; г) человек, вступающий в отношения с себе подобными по поводу производства материальных благ и в связи с необходимостью удовлетворения других потребностей, представляет собой совокупность общественных отношений. Автор исходит из того, что основой любого человеческого общества являются люди и их отношения. Рассматривая уголовно-процессуальные отношения на фоне тех представлений, которые сложились об общественных отношениях в литературе по философии и общей теории права, автор относит уголовно-процессуальные отношения к числу идеологических. Такой вывод делается не только и не столько потому, что они основаны на процессуальном праве, нормы которого обретают реальность, пройдя предварительно через сознание людей, хотя этот момент и важен. Но не менее важно то, что деятельность «движущих сил» в уголовном процессе, прежде всего властных субъектов, ответственных за ведение уголовного дела (следователя, дознавателя, прокурора, судьи, суда), равно как и других субъектов уголовного процесса (подозреваемого, обвиняемого, защитника, потерпевшего, его представителя и др.), по своему характеру, целям и возможностям носит идеологический (а не материальный) характер. В этой связи важно отметить, что уголовно-процессуальные отношения существенно отличаются от других идеологических общественных отношений (в том числе и правовых) не только содержанием (т. е. предметом правового регулирования), но и особенностями средств и методов их регулирования. Последние в значительной степени обусловлены публично-правовым характером уголовного процесса, выполнением уголовно-процессуальным правом не только регулятивных, но и охранительных функций. Только охранительную функцию уголовно-процессуального права мы видим, в отличие от некоторых процессуалистов (например, В. И. Шпилева), не в наличии в процессуальных нормах санкций, а главным образом в том, что уголовно-процессуальное право создает условия для применения таких охранительных средств борьбы с преступностью, какими наделено уголовное право. В этом со-

стоит важнейшая роль уголовно-процессуального права и регулируемых им уголовно-процессуальных правоотношений. Эта роль особенно важна в настоящее время, когда в связи с неблагоприятными изменениями размеров и характера преступности борьба с ней (преступностью) стоит в ряду приоритетных общегосударственных задач. С другой стороны, надо учитывать, что именно в сфере действия уголовно-процессуального права существует, пожалуй, наибольшая опасность нарушения прав и свобод человека и гражданина. Поэтому уже в Декларации прав и свобод человека и гражданина РФ содержится ряд положений, имеющих важнейшее значение для регулирования общественных отношений в сфере производства по уголовному делу. Следование им нетрудно обнаружить в многочисленных законах, пополнивших или изменивших в 1991—1992 гг. действующий в России УПК, а также в ряде статей новой Конституции Российской Федерации.

Рассматривая в ряду общественных отношений место правовых отношений, а среди последних — роль уголовно-процессуальных отношений, автор уделит специальное внимание объективному и субъективному в уголовном и уголовно-процессуальном праве (1, 6, 47, 67).

Право — всегда явление вторичное, если его рассматривать с позиций соотношения общественного бытия и общественного сознания. Но, возникнув как продукт сознания, право функционирует не в сфере сознания, а в реальной действительности, будучи явлением социальной жизни (С. С. Алексеев, С. Ф. Кечекьян). Именно это определяет объективную реальность права. Возникнув в соответствии с сознанием господствующих в обществе социальных сил, оно далее функционирует как явление объективно реальное для всех и каждого, т. е. вне и независимо от чьего бы то ни было сознания (П. Е. Недбайло). С этих позиций всякое правовое отношение есть основания рассматривать как явление объективной действительности. Необходимо, однако, исследовать назначение и характер взаимодействия одних правовых отношений с другими. Только после этого можно определить, какие отношения по отношению к другим являются первичными или вторичными, производными. От этого нередко зависит их место в рядах объективных или субъективных отношений.

В рассматриваемом аспекте прежде всего представляют интерес связи уголовно-правовых и уголовно-процессуальных отношений. Возникнув в момент совершения преступления, уголовно-правовое отношение между лицом, совершившим уголовно наказуемое деяние, и государством, как мы считаем, относится к числу объективных. Сказанное не означает отсутствие вообще субъективного начала в уголовно-правовом отношении. Оно (субъективное начало) уже присутствует при разработке и принятии уголовно-правовой нормы. Его наличие нельзя отвергать

и в юридическом факте, породившем уголовно-правовое отношение, так как преступление — это волевое действие или бездействие физического лица. Но не это определяет характер двух групп общественных отношений в аспекте их разграничения на объективные и субъективные. Сами отношения между субъектами, возникая в момент совершения преступления, являются объективными по отношению к сознанию и действиям лиц, которые в силу предписаний закона обязаны установить (следовательно, дознаватель, прокурор, суд) реально существующее уголовно-правовое отношение или могут (вправе) участвовать в этой деятельности (обвиняемый, защитник, потерпевший и др.). А вот в процессе установления уголовно-правовых отношений осуществляются субъективные действия. Субъективны, естественно, и сами процессуальные отношения, в рамках которых осуществляются эти действия (1, 7, 47).

1.2. Рассматривая связь уголовно-правовых и уголовно-процессуальных отношений, необходимо учитывать, что уголовный процесс существует прежде всего для обеспечения применения норм уголовного права. Поэтому при комплексном подходе к изучению двух групп правоотношений ключевое значение может быть отведено уголовно-правовому отношению как первичному, играющему роль детерминанта.

Уголовно-правовое отношение вызвано к жизни фактом совершения преступления. Оно в конечном итоге необходимо для урегулирования конфликта, возникшего между государством и лицом, совершившим преступление. Уголовно-правовое отношение мы рассматриваем как оптимальную форму разрешения конфликта, а уголовную ответственность — как метод его разрешения.

Наш подход к назначению уголовно-правового отношения обуславливает признание субъектами уголовно-правового отношения лица, совершившего преступление, и государства. При этом надо учитывать, что в этой сфере правового регулирования нет отношений, которые присущи субъектам гражданского права. В уголовно-правовом отношении права и обязанности субъектов не являются адекватными. Государство, как субъект правоотношений, наделено правом применения уголовной ответственности к лицу, совершившему преступление, которое, в свою очередь, может претендовать на применение уголовной ответственности в соответствии с законом или (в установленных случаях) освобождение от уголовной ответственности или от наказания.

Однако одна из особенностей уголовно-правовых отношений состоит в том, что субъекты этих отношений не могут реализовать свои права в границах уголовно-правового отношения. Они это могут сделать единственно возможным способом — через уголовно-процессуальные отношения: с одной стороны, с помощью субъектов уголовного процесса, ответственных за про-

изводство по уголовному делу (следователя, дознавателя, прокурора, суда), а с другой — через обвиняемого, его защитника, представителя. Заметим, что стороны в указанных отношениях, как и субъекты уголовного права, не наделены равными правами. Одни (государственные органы) применяют уголовно-процессуальный и уголовный законы, выносят процессуальные решения; другие могут лишь заявлять ходатайства, предлагать варианты решений, обжаловать их и т. п. Первые могут согласиться, а могут и не согласиться с этим, но обязаны рассмотреть их и принять решение. Особняком здесь стоят дела частного обвинения, которым в значительной степени присущи диспозитивные начала. Поэтому степень соответствия объема прав и обязанностей сторон здесь значительно выше (9, 10, 11, 49, 80, 84). Делать же общий и безоговорочный вывод, как это делают некоторые процессуалисты, о том, что законодатель в УПК устанавливает одинаковые права субъектам процессуальных отношений, не вполне точно. В различных отраслях права степень соответствия прав одного субъекта отношений обязанностям другого субъекта далеко не одинакова. Поэтому, утверждая мысль о соответствии прав и обязанностей субъектов отношений, необходимо конкретизировать: о каких отношениях идет речь, какое соответствие в правах и обязанностях подразумевается. Одно дело права и обязанности субъектов при заключении договоров купли-продажи или найма. Совсем другое — в уголовном процессе. Заявление обвиняемым ходатайства о производстве дополнительной экспертизы не означает, что следователь обязан удовлетворить это ходатайство во всех случаях. Но он во всех случаях обязан: рассмотреть ходатайство, принять по нему решение. Более того, он не вправе отказать в удовлетворении заявленного ходатайства, если обстоятельства, выяснить которые просит автор ходатайства, могут иметь значение для дела. При полном или частичном отказе в удовлетворении ходатайства следователь должен вынести постановление с указанием мотивов отказа, а заинтересованное лицо вправе обжаловать это постановление.

Служебная роль уголовно-процессуальных отношений в установлении уголовно-правовых отношений весьма рельефно просматривается при сопоставлении оснований уголовной ответственности (ст. 3 УК) и обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу (ст. 68 УПК). Надо заметить, однако, что приведенные положения лишь иллюстрируют, но не исчерпывают каналы связей норм УК и УПК, а следовательно, и регулируемые ими отношения. Неодооценка характера, форм и средств указанных связей вызывает неточности и даже ошибки при анализе теоретических проблем правовых отношений, а также в процессе правоприменения.

Будучи неразрывно связаны с уголовно-правовыми отношениями, уголовно-процессуальные отношения предназначены,

как отмечалось, для их установления, для обеспечения обоснованного применения уголовной ответственности. В их границах осуществляется деятельность субъектов уголовно-процессуальных отношений по установлению оснований уголовной ответственности, а также по определению действительного содержания прав и обязанностей участников уголовно-правового отношения, установлению целесообразности применения мер ответственности, подлежащей применению, и ее последующей реализации. Именно в этом в конечном итоге состоит смысл установления объективной истины по уголовному делу.

Высказанные соображения дают основания к тому, чтобы отвергнуть взгляд на уголовно-процессуальные отношения как форму уголовно-правовых отношений (В. И. Курляндский). Этот взгляд не дает адекватного представления об уголовно-правовых отношениях и приводит к недооценке уголовно-процессуальных отношений, которым присущи собственные субъекты, объект, содержание, форма. Уголовно-правовые и уголовно-процессуальные отношения возникают и, как правило, прекращают свое существование в разное время. Уголовно-процессуальные отношения возникают лишь после получения правоохранительными органами информации о совершенном или якобы совершенном преступлении. Они в основном исчерпывают себя с установлением уголовно-правового отношения и принятием решения о применении (или неприменении) уголовной ответственности. Окончание функционирования уголовно-процессуальных отношений в связи с вступлением обвинительного приговора в законную силу создает юридический факт для реализации установленных уголовно-правовых отношений (1, 7, 47, 67) ¹.

1.3. Необходимо подчеркнуть, однако, что совершение преступления отнюдь не всегда вызывает возникновение уголовно-процессуальных отношений, поскольку не обо всех преступлениях становится известно субъектам уголовно-процессуальных отношений — компетентным государственным органам. С другой стороны, ложные или ошибочные сообщения о преступлении обуславливают возникновение уголовно-процессуальных отношений при фактическом отсутствии уголовно-правовых отношений.

Уголовно-процессуальные отношения отличаются большей динамичностью по сравнению с уголовно-правовыми. Характер и содержание уголовно-правовых отношений объективны и неизменны, а представления о них у следователя или суда могут меняться в ходе производства по делу, по мере развития уголовно-процессуальных отношений. Последние изменяются соответственно изменению объема знаний об уголовно-правовом отношении.

¹ Сказанное не исключает появления вновь уголовно-процессуальных отношений и после вступления приговора в законную силу (в стадиях исполнения приговора, надзорного производства, возобновления дел по вновь открывшимся обстоятельствам).

Вот почему представляется обоснованным выделение в уголовно-процессуальных отношениях между обвиняемым и субъектами, ведущими производство по делу, нескольких ключевых моментов, сопряженных с принятием процессуальных решений — юридических фактов, дающих толчок последующему движению процессуальных отношений. Такими моментами, в частности, являются: возбуждение уголовного дела, привлечение лица в качестве обвиняемого (в том числе повторное), избрание меры пресечения, решение об окончании предварительного расследования, утверждение прокурором обвинительного заключения, назначение судьей дела к слушанию в судебном заседании, вынесение вердикта, постановление приговора, принятие решения вышестоящим судом².

Однако даже вступление приговора в законную силу, как уже подчеркивалось, означает не появление уголовно-правовых отношений, а только их установление. Приговор суда не порождает ни преступления, ни преступника, а только признает их наличие, существование в реальной действительности. Поэтому жесткое увязывание наступления (возникновения) уголовно-правовых отношений с вынесением или вступлением в законную силу приговора представляется ошибочным. Наиболее упорно отстаивает эту позицию И. С. Ной, который утверждает, что уголовно-процессуальное отношение «...возникает и развивается до появления уголовно-правового отношения». Он считает, что вынесение судом оправдательного приговора означает, что судебное разбирательство «... не завершилось возникновением уголовно-правового отношения»³. Если же осужденный частично отбыл назначенное судом наказание, а затем вышестоящий суд отменил приговор (видимо, имеются в виду действия суда надзорной инстанции) и дело прекратил, то, по мнению И. С. Ноя, в этом случае будто бы имеют место ошибочно возникшие уголовные правоотношения. Такой ответ является слишком упрощенным, он фактически означает, что автор признает возникновение материальных охранительных отношений в результате правомерных действий процессуальных субъектов (в частности, суда)⁴. Подобная позиция означает, что процессуальные отношения, субъективные по характеру, являются первичными по отношению к уголовно-правовым отношениям. В действительности приговор суда не создает уголовно-правовое отношение.

² В данном положении имеется в виду общий порядок производства по уголовному делу.

³ Ной И. С. Уголовное правоотношение — одна из важных юридических гарантий конституционных прав и свобод советских граждан // Личность преступника и уголовная ответственность. — Саратов, 1979. С. 3—28.

⁴ Близки к позиции И. С. Ноя взгляды других авторов, связывающих возникновение уголовно-правовых отношений с вынесением процессуальных актов: одни — приговора суда (П. Е. Недбайло, Р. Д. Рахунов, В. Г. Смирнов), другие — постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого (А. А. Ривлин, Я. М. Брайнин).

✓ Возникновение уголовно-правового отношения обусловлено фактом преступления.

Этот юридический факт имеет объективные свойства и порождает соответствующие ему общественные отношения, объективные по своей сути. А объективные отношения — это те отношения, которые, как отмечалось, складываются и функционируют за пределами сознания субъектов, с которыми они соотносятся. Субъективные же отношения, складываясь на основе объективных отношений (а в рассматриваемых нами случаях — даже детерминированы ими), функционируют в сфере субъективной деятельности. Именно в этих соотношениях представляется оптимальной связь уголовно-правовых (объективных) и уголовно-процессуальных (субъективных) отношений. Связи между субъектами уголовно-правовых отношений (государством и преступником), возникая в момент совершения преступления, являются объективными по отношению к сознанию и действиям лиц (субъектов), которые в силу предписаний закона (ст. 3 УПК) обязаны установить уголовно-правовые отношения (суд, следователь, дознаватель, прокурор) или могут участвовать в их установлении, вступая для этого в уголовно-процессуальные отношения (обвиняемый, защитник, потерпевший, представители и др.).

К сожалению, нередко функционирование уголовно-процессуальных отношений не достигает моделируемых законом результатов по причине приостановления производства по делу ввиду того, что обвиняемый скрылся от следствия или суда или вообще не установлено лицо, подлежащее привлечению в качестве обвиняемого (пп. 1, 3 ч. 1 ст. 195 УПК). Очевидно, такие факты в основном следует расценивать как свидетельство недостатков в деятельности правоохранительных органов.

1.4. Учитывая актуальность проблемы и высказанные в литературе пожелания (И. И. Мартинович)⁵, автором специально исследованы правоотношения, возникающие в связи с предъявлением и рассмотрением гражданского иска в уголовном процессе (6, 10, 11, 31, 62, 76).

Установление в УПК возможности совместного рассмотрения уголовного дела и гражданского иска обусловлено наличием единого юридического факта, лежащего в основе привлечения лица к уголовной и гражданско-правовой ответственности в тех случаях, когда непосредственно преступлением причинен материальный ущерб. При этом точное установление размера материального ущерба имеет нередко не только гражданско-правовое значение, в силу чего и включено в предмет доказывания по уголовному делу (ст. 68 УПК).

⁵ Вестник Белорусского государственного университета. Серия III. 1976. № 1. С. 76.

Совершение преступления означает нарушение запретов, содержащихся в нормах уголовного права, и порождает уголовно-правовые, а в установленных случаях — и гражданско-правовые отношения. Надо, однако, иметь в виду, что не все гражданско-правовые отношения, возникающие в связи с совершением преступления, могут быть установлены при производстве по уголовному делу. Это возможно лишь для отношений, которые возникли в результате причинения непосредственно преступлением, являющимся предметом производства по данному уголовному делу, ущерба, причем не любого, а только материального. Высказанные в литературе предложения о расширении понятия гражданского иска в уголовном процессе не учитывают, что тем самым это вызовет отвлечение следователя и суда от исследования главных вопросов, которые предстоит им решать по уголовному делу.

Возникновение, а затем и существование уголовно-процессуальных отношений обусловлено, как было отмечено, уголовно-правовыми отношениями. Появление в результате совершения преступления гражданско-правовых отношений также предполагает необходимость существования процессуальных отношений, призванных «обслуживать» материальные гражданско-правовые отношения. Но если уголовно-правовые отношения обуславливают существование уголовно-процессуальных отношений, то возникшие в результате совершения преступления гражданско-правовые отношения обуславливают появление у них (уголовно-процессуальных отношений) второй, **производной (субсидиарной) задачи** — установления гражданско-правовых отношений.

Возникновение гражданских процессуальных отношений вызвано предъявлением иска (юридического факта) в порядке гражданского судопроизводства. Если же гражданский иск заявлен при производстве по уголовному делу, то по отношению к гражданско-правовым отношениям служебную роль выполняют уголовно-процессуальные отношения, которые тем самым получают как бы вторую нагрузку. Однако и в этом случае детерминант уголовно-процессуальных отношений один — уголовно-правовые отношения. Что же касается гражданско-правовых отношений, возникших вследствие совершения преступления, они далеко не являются нейтральными по отношению к уголовно-процессуальным отношениям. Со стороны гражданско-правовых отношений имеет место дополнительное обуславливающее воздействие второго порядка. Они поэтому не играют решающей роли. Не случайно прекращение уголовно-процессуальных отношений вызывают юридические факты, исключающие существование уголовно-правовых отношений (см., например, пп. 3—5 ст. 5 УПК РСФСР). Отказ от гражданского иска, заявленный в уголовном деле, не вызывает прекращения уголовно-процессуальных отношений, в то время как

в сфере гражданско-процессуальных отношений такие последствия он (отказ) вызывает.

2. Состав уголовно-процессуальных отношений

Возникновение, развитие, изменение и прекращение уголовно-процессуальных отношений обусловлено наличием юридического факта (или юридических фактов). Такая связь факта и отношения установлена нормами уголовно-процессуального права. Следовательно, в основе указанного феномена лежит не просто фактическое, реальное, жизненное обстоятельство. Это обстоятельство только тогда может вызвать отношения, составляющие предмет исследования, когда оно **процессуально значимо**. К ним могут быть отнесены, например, заявление о совершенном преступлении, ходатайство о вызове свидетеля, постановления о возбуждении или об отказе в возбуждении дела, постановления о привлечении в качестве обвиняемого, о прекращении дела и т. п.

Юридические факты в уголовном процессе, как и в любой сфере правового регулирования, имеют присущее им содержание и форму, которые так или иначе определены уголовно-процессуальным законом, хотя он и не употребляет самого термина «юридический факт». Более того, многообразие отношений предполагает наличие и множества юридических фактов на каждом из этапов производства по уголовному делу. Есть юридические факты, порождающие одно отношение, есть — и больше. Но имеются юридические факты, порождающие целые группы, серии связанных друг с другом отношений. К подобным юридическим фактам необходимо прежде всего отнести процессуальные решения по делу, влияющие на целую стадию процесса или даже определяющие весь его последующий ход (о возбуждении уголовного дела, о привлечении лица в качестве обвиняемого и т. п.). Среди процессуальных решений есть и такие, которые играют противоположную роль: не порождают, а прекращают или прерывают функционирование всей системы отношений (решения о прекращении дела следователем или судом, решение суда второй инстанции об оставлении без изменений приговора суда и т. п.).

Признавая многообразие юридических фактов в процессуальной сфере, мы в своих работах делаем вывод, что их наличием часто обусловлено не только возникновение, существование и функционирование процессуальных отношений. Нередко юридический факт оказывает влияние на содержание, форму, субъективный состав и даже объект отношений.

2.1. Уголовно-процессуальные отношения можно рассматривать в двух аспектах: во-первых, в их системе, как совокупность взаимосвязанных и взаимообусловленных отношений; во-вторых — как единичные правовые отношения, составляющие систему. С учетом этого автор приходит к выводу, что направлен-

ность (т. е. объект) всей совокупности отношений и каждого отдельного отношения совпадает лишь в конечном итоге. Поэтому представляется вполне оправданным выделение процессуалистами (П. С. Элькинд, Л. Д. Кокорев, С. А. Шейфер, Н. А. Якубович) двух объектов уголовно-процессуальных отношений — общего и специального. При этом под общим объектом, как мы полагаем, следовало бы понимать то, по поводу чего или в связи с чем функционирует и развивается вся совокупность отношений по данному конкретному уголовному делу. Соответственно специальным объектом (т. е. объектом обособленного, единичного отношения) является, как представляется, то, на что конкретно направлены процессуальные действия субъектов отношения. Иными словами, специальным объектом процессуального отношения является ожидаемый процессуальный результат поведения субъектов этого отношения. Такими объектами могут быть: получение ожидаемых сведений в результате допроса свидетеля; пресечение продолжения уголовно наказуемых деяний подозреваемым в результате задержания; опознание (или неопознание) предъявленного для опознания предмета в числе других, ему подобных; отмена судьей ареста, примененного на предварительном следствии или на дознании к обвиняемому или подозреваемому и т. п. При изучении уголовно-процессуальных отношений надо учитывать не только специальный, но и общий объект (1, 7, 47, 67).

Представляется не вполне точным сведение общего объекта уголовно-процессуальных отношений к задачам уголовного процесса (ст. 2 УПК), т. е. к быстрому и полному раскрытию преступления, познанию объективной истины, с тем чтобы каждый совершивший преступление был подвергнут справедливому наказанию и ни один невиновный не был привлечен к уголовной ответственности (П. С. Элькинд, Л. Д. Кокорев и др.). Спорной мы находим и позицию, согласно которой общим объектом является борьба с преступностью (С. А. Шейфер). Не вполне адекватным нам видится взгляд на общий объект отношений как на направленность уголовно-процессуальных отношений на интересы «собственно процессуального характера» (П. С. Элькинд). Направленность общественных отношений определяется тем, в связи с чем или во имя чего они существуют, их регламентирует закон. Процессуальные отношения лишены смысла, если их «жизнь» обусловлена собственными интересами: производство по делу — не самоцель, а средство реализации задач социального обслуживания, закрепленных в ст. 2 УПК. Вот почему обращение к ст. 303 УПК России позволяет констатировать, что ожидаемым финалом действия уголовно-процессуальных отношений является установление уголовно-правовых отношений (включая установление фактических обстоятельств и их юридическую оценку), хотя результат может быть и негативный, то есть их неустановление.

2.2. **Содержание и форму** уголовно-процессуальных отношений автор в своих работах рассматривает на фоне философского учения о содержании и форме как двух неразрывных сторонах явлений в объективном мире, одна из которых — содержание — рассматривается как главная, решающая, а другая сторона — форма — как его внутренняя организация, структура.

Неразрывная связь формы и содержания нередко вызывает затруднения при попытке отделить их друг от друга в ходе анализа различных общественных отношений, в том числе и уголовно-процессуальных. Видимо, поэтому в теории уголовного процесса «уживаются» самые различные взгляды на содержание уголовно-процессуальных отношений. Одни им считают права и обязанности субъектов (М. С. Строгович, Б. А. Галкин и др.), другие — действие (Р. Д. Рахунов, Л. Д. Кокорев, Н. А. Якубович), третьи — возможное поведение субъектов прав и обязанностей для отношений в статике, действительное поведение — для отношений в динамике (П. С. Элькинд, Т. В. Свистунова). Высказано и мнение, что содержанием процессуальных отношений является не только процессуальная деятельность, но также и права и обязанности субъектов (В. П. Мозолин, Д. Р. Джалилов, В. И. Леушин).

Отвергая возможность существования уголовно-процессуальных отношений в статике, автор полагает, что носители этой позиции не проводят разницы между субъектом права и субъектом правоотношения, а в известной мере — субъективным правом и его реализацией. Диалектика содержания и формы в праве правильно подмечена в общей теории права: в правовых отношениях содержание права (выраженное в качестве коррелятивных прав и обязанностей) **переходит** в форму. Непосредственным содержанием правоотношения является поведение участвующих в нем субъектов, которые обладают правами и несут обязанности (Л. С. Явич).

Следователь, дознаватель, прокурор, суд, обвиняемый, потерпевший, защитники и представители в реальной действительности влияют на достижение своих целей (локальных или конечных) не потому, что уголовно-процессуальный закон предоставляет им для этого определенные возможности в виде прав и обязанностей, а потому, что они фактически действуют в соответствии с этими правомочиями, пользуясь правами и исполняя возложенные на них обязанности. Если исходить из того, что правоотношение — это норма права в действии (а это положение сейчас является в науке господствующим), то содержанием любого процессуального отношения могут быть только действия субъектов правоотношений.

Но возможность действовать определенным образом для одних лиц предполагает для других лиц обязанность создать условия к этому или хотя бы не препятствовать ее осуществле-

нию (А. С. Пиголкин). Эти возможности и обязанности выступают в процессуальных отношениях в виде субъективных прав и обязанностей, ибо первые (субъективные права) представляют собой меры возможного поведения, а вторые (обязанности) — меры должного поведения. Именно это и позволяет отнести субъективные процессуальные права и обязанности к категории формы (внутренней) уголовно-процессуальных отношений, ибо они не отвечают на вопрос, что содержится в правоотношении (а следовательно — что представляет собой его содержание), а говорят о том, в каких рамках, границах, параметрах «живет» содержание. Иными словами, форма (внутренняя) уголовно-процессуального отношения определяет пределы возможных или допустимых действий субъектов этих отношений.

Следовательно, мы приходим к выводу: содержанием уголовно-процессуальных отношений являются действия, а формой (внутренней) — субъективные процессуальные права и обязанности. При этом в состав уголовно-процессуальных отношений входят действия всех субъектов уголовно-процессуальных отношений (1, 7).

В свете изложенного представляется неточным утверждение М. С. Строговича о том, что «... уголовно-процессуальные отношения представляют собой правовую форму деятельности органов следствия, прокуратуры и суда, осуществляющих возложенные на них законом задачи в области борьбы с преступностью, а сама эта деятельность есть содержание уголовно-процессуальных отношений» (Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса. — М., 1968. Т. 1. С. 34). По существу, здесь упрощается соотношение сложных юридических понятий: не может правоотношение быть формой деятельности, которая одновременно составляет содержание этих же отношений.

Сказанное не означает сведения подходов к научному объяснению вопросов соотношения формы и содержания к одному единственному аспекту. Диалектика взаимосвязи и обусловленности содержания и формы такова, что в одной связи является формой, в другой объективной связи может оказаться содержанием. Но мы подчеркиваем, что именно в другой связи, а не той же самой.

Некоторые ученые уголовно-процессуальные отношения рассматривают в качестве формы уголовно-правовых отношений. Не говоря уже о неточности такой формулы в принципе (на что уже указывалось), необходимо со всей категоричностью подчеркнуть наличие собственного содержания уголовно-процессуальных отношений — действий его субъектов в соответствии с их правами и обязанностями, которые, определяя масштабы этих действий, представляют собой форму правоотношения. Следовательно, строгое соблюдение уголовно-процессуальной формы важно для обеспечения содержания правоотно-

шений. Вот почему в ст. 50 (2) новой Конституции Российской Федерации со всей определенностью сказано: «При осуществлении правосудия не допускается использование доказательств, полученных с нарушением федерального закона».

Но строгое соблюдение процессуальной формы ориентирует и ряд норм УПК. Статья 345 УПК, например, в ранг существенных нарушений уголовно-процессуального закона вводит такие нарушения, которые путем лишения или стеснения гарантированных законом прав участников процесса при рассмотрении дела или иным путем помешали суду всесторонне разобраться дело и повлияли или могли повлиять на постановление законного и обоснованного приговора.

Повышение роли процессуальной формы как средства обеспечения прав личности в уголовном судопроизводстве предусмотрено рядом законов, которыми внесены изменения и дополнения в УПК в 1992—1993 гг., среди которых особо следует отметить Законы РФ от 23 мая 1992 г., 29 мая 1992 г., которыми расширены, в частности, права обвиняемого и подозреваемого на защиту, предусмотрено участие защитника с ранних этапов дознания и предварительного следствия, предоставлена возможность обжалования в суд решения об аресте, который применен в стадии предварительного расследования, и т. п.

Особо следует выделить Закон РФ от 16 июля 1993 г., которым в Российской Федерации введен суд присяжных. Этим Законом, положения которого, естественно, инкорпорированы в УПК, значительно усилены требования к соблюдению процессуальной формы. Достаточно хотя бы обратить внимание на требования ст. 423—426, 428—430, 432—435, 437—439, 441, 445—447 УПК.

Судебная и следственная практика показывает, насколько тесно переплетены содержание и форма процессуальных отношений, как нарушение процессуальной формы приводит к противоправным процессуальным действиям (63, 64, 66, 67, 76, 83, 84, 87, 88, 91, 93). Видимо, именно этому способствует живучесть представлений о понятии содержания уголовно-процессуального отношения, которое нередко отрывают от формы этих отношений.

Что же касается внешней формы уголовно-процессуальных отношений, которая представляет собой порядок и последовательность производства процессуальных действий, то ее отделение от содержания отношений не представляет особых трудностей, хотя нередко именно к ней сводится представление некоторых авторов о процессуальной форме, что, разумеется, нельзя признать правильным.

Внешняя форма уголовно-процессуальных отношений имеет, конечно, важное значение в структуре правоотношения, так как ее нарушение может привести к ущемлению прав субъектов, а

следовательно, нарушению внутренней формы, что негативно воздействует на содержание отношений. Внешняя форма уголовно-процессуальных отношений — как единичных, так и их процессуальным законом, получая формальное выражение в установлении сроков, последовательности, порядка проведения процессуальных действий (порядок производства допроса, очной ставки, следственного эксперимента и т. п.). В отдельных случаях в рамках общей структуры, установленной законом, УПК наделяет правом установления порядка проведения действия определенного субъекта, ответственного за производство по делу (например, право суда установить порядок исследования доказательств на судебном следствии — ст. 279 УПК; право следователя решить вопрос о наличии случаев, не терпящих отлагательства, и, следовательно, проведении обыска без санкции соответствующего субъекта права — ст. 168 УПК и т. п.). И все же при всей важности внешней формы нельзя ее противопоставлять внутренней форме и содержанию правоотношения.

Преувеличение роли внешней формы уголовно-процессуальных отношений приводит к утрате точности при характеристике самой сущности уголовного процесса. Так, П. С. Элькинд, рассматривая уголовный процесс лишь как особый, **точно регламентированный порядок** возбуждения, расследования, рассмотрения и разрешения уголовных дел и исполнения приговоров (Уголовный процесс: Учебник для вузов. — М., 1972. С. 10), значительно обеднила содержание уголовно-процессуальных отношений и уголовного процесса вообще.

Недооценка других компонентов, составляющих уголовно-процессуальное отношение, взгляды на соотношение процессуальных отношений и процессуальных действий как **однорядковые составные элементы** одного феномена, по сути дела, есть тоже частное проявление общей недооценки специальной (отраслевой) методологии, которая, в свою очередь, базируется на общей теории права и философии. Не случайно поэтому существуют различные позиции по поводу понимания сущности уголовного процесса. Одни считают таковой деятельность суда, прокурора, органов расследования (Д. С. Карев, В. А. Познанский, А. Л. Цыпкин), другие — **действия указанных лиц и сопутствующие им отношения с гражданами** (М. А. Чельцов, Н. Н. Полянский, С. В. Бородин, И. И. Малхазов), третьи — **процессуальные действия и отношения** (М. С. Строгович, А. Д. Бойков). И. В. Тыричев усматривал сущность уголовного процесса в действиях, облеченных в форму отношений (1980 г.), а затем, уточняя свои взгляды, пришел к выводу, что они (действия) находят выражение в правоотношениях (1992 г.). **Знаменательно, что В. А. Познанский и А. Л. Цыпкин в определение уголовного процесса не включили правоотношения,**

так как они (отношения), по их мнению, порождаются действиями.

В своих работах автор отстаивает, как это уже видно из сказанного выше, взгляд на сущность уголовного процесса как на систему уголовно-процессуальных отношений, содержанием которых являются действия субъектов, внутренней формой — их права и обязанности, внешней формой — порядок и последовательность реализации правоотношений (1, 7, 17). В связи с этим представляется вполне возможным и допустимым признавать содержанием уголовного процесса (сущность которого — совокупность отношений) процессуальные действия его субъектов.

2.3. Субъекты уголовно-процессуальных отношений

Каждому виду правоотношений присущ только ему свойственный круг субъектов. Обосновывая это в своих работах, автор категорически возражает против попыток стереть различия между субъектами уголовных материальных и процессуальных отношений (1, 7, 30, 37, 47, 67) или даже допустить их совпадение (А. Л. Ривлин, Н. А. Стручков, Л. М. Карнеева, В. И. Курляндский). Между субъектами указанных видов отношений существуют принципиальные различия. Во-первых, в процессуальных отношениях государство не выступает в качестве субъекта, в интересах государства функционируют специально установленные законом субъекты (суд, следователь, дознаватель, прокурор). Во-вторых, в уголовно-процессуальных отношениях нет преступника (т. е. лица, действительно совершившего преступления), а есть подозреваемый, обвиняемый, подсудимый. В-третьих, такой субъект уголовно-правовых отношений, как преступник, не «переходит», не «превращается» из обвиняемого, например, а устанавливается в результате действий субъектов уголовно-процессуальных отношений. В-четвертых, в уголовном процессе помимо основных (центральных) субъектов отношений (органа власти и обвиняемого) существует множество других, которые вступают в различные отношения с властными субъектами, ответственными за производство по уголовному делу.

Совершая преступление, лицо тем самым нарушает запреты, установленные государством в уголовном законе. Поэтому у него возникают обязанности перед государством, которое является субъектом уголовно-правового отношения. Но государство как субъект права любые свои полномочия реализует через соответствующие органы власти. Свои права по отношению к преступнику оно (государство) может реализовать только через правоотношения: уголовно-процессуальные и исправительно-трудовые (уголовно-исполнительные). Но когда в рамках производства по уголовному делу место государства занимает его специальный орган (следователь, прокурор, суд

и т. п.), происходит не уточнение субъекта уголовно-правового отношения, как иногда считают в литературе (П. С. Элькинд), а появление самостоятельного дееспособного субъекта (следователя, суда и т. п.) в рамках новых (уголовно-процессуальных) отношений. Вот почему нельзя согласиться с теми авторами, которые считают субъектами уголовного правоотношения «государство в лице его органов» (Н. И. Загородников, А. Е. Наташев, Н. А. Стручков и др.). При таком подходе имеет место отождествление субъектов различных уровней и различных видов отношений. Но это малопродуктивно не только в силу уже высказанных соображений. Здесь присутствует еще один, можно сказать, количественный момент: круг субъектов уголовно-процессуальных отношений значительно шире круга субъектов уголовно-правовых отношений. Поэтому «совпадение» указанных видов отношений вообще исключено (1, 7, 47, 67).

В силу публично-правового характера российского уголовного процесса правоприменительными полномочиями в сфере уголовно-процессуальных отношений наделены лишь суд, следователь, орган дознания, прокурор. Поэтому особенностью уголовно-процессуальных отношений является обязательное наличие среди субъектов этих отношений хотя бы одного носителя правоприменительных полномочий. Без этого невозможно развитие уголовного судопроизводства, достижение стоящих перед ним задач. Они (эти полномочия) проявляются при возбуждении уголовного дела, привлечении лица в качестве обвиняемого, прекращении дела, постановлении приговора и т. п. Особо следует подчеркнуть, что в судебном разбирательстве единственным правоприменительным органом является суд. Закон его наделяет исключительной компетенцией (ст. 14 УПК). Поэтому в своих работах автор задолго до судебной реформы (еще в 70-е годы) подверг критике процессуалистов, считавших, что в суде первой инстанции прокурор надзирает за законностью действий суда, рассматривающего уголовное дело (1, 7, 12, 36, 97, 99).

Разделяя в принципе позиции ученых, отмечающих многосубъектный характер уголовно-процессуальных отношений, автор не согласен с теми, кто считает это свойством только уголовно-процессуальных отношений (Б. А. Галкин, В. А. Стреловский), оно присуще процессуальным отношениям вообще. Вместе с тем автор обосновывает двусторонний характер уголовно-процессуальных отношений. Это вполне сочетается с их многосубъектностью, представляющей собой сумму (совокупность) двусторонних правоотношений, в каждом из которых обязательный субъект отношений — правоприменитель.

Наряду с исследованием проблем, связанных с субъектным составом уголовно-процессуальных отношений, диссертант исследовал понятие субъекта уголовно-процессуального права,

подчеркивая: а) различие понятий субъекта уголовно-процессуального права и субъекта регулируемых этим правом отношений; б) значение разработки этой проблемы для более четкого разграничения отраслей права; в) специфику процессуального метода регулирования общественных отношений, состоящего в жесткой регламентации правового положения субъектов и правовых средств регулирования их поведения. Поэтому четкое определение в УПК понятия субъектов уголовно-процессуального права и их правомочий следует рассматривать в качестве предпосылки реализации норм права в правоотношениях. Придавая этому существенное значение, автор внес комплекс предложений по совершенствованию УПК в указанном отношении. Но позиция автора отнюдь не совпадает с позицией процессуалистов, полагающих, что признание определенных лиц субъектами уголовно-процессуальных отношений содержится в нормах права (П. С. Элькинд). Норма права не имеет в виду конкретных лиц (М. С. Шакарян), она лишь содержит типичные признаки, обладание которыми предопределяет возможность стать субъектом реальных процессуальных отношений по конкретному уголовному делу. В то же время нечеткое определение субъекта права искажает на практике весь состав правоотношений, в чем нетрудно убедиться, анализируя практику необоснованного допуска или отказа в допуске лиц в качестве потерпевших, гражданских истцов, их представителей, защитников обвиняемого и подозреваемого (25, 30, 31, 40, 43, 44, 57, 73, 76, 80, 84, 87, 93).

Не соглашаясь с тем, что в норме права содержится признание лица субъектом отношений, необходимо учитывать, что уголовно-процессуальные отношения — фактические по своей сути. Субъект права и субъект отношения — соотносимые, но не тождественные понятия. Субъект права автоматически не трансформируется в субъекта правоотношения. Для того чтобы это произошло, необходимо наличие фактических и юридических гарантий реализации субъектом своих прав в правоотношениях.

Признавая важность установления в законе определенных критериев ввода лица в судопроизводство в качестве субъекта уголовно-процессуальных отношений, следует иметь в виду, что без этого практически не выполнима реализация правомочий субъектами права в процессуальных отношениях по конкретному делу. Нечеткость или неполнота закона в указанной части затрудняет возможность определить на практике: кто может и кто не может быть субъектом уголовно-процессуальных отношений. В связи с этим представляется, в частности, недостатком действующего УПК отсутствие в нем понятия уголовно-процессуальной дееспособности, хотя в отдельных случаях нормы УПК ее имеют в виду (пп. 2, 3 ч. 1 ст. 49), регулируя защиту интересов обвиняемого. Между тем вопросы дееспособности важны

не только применительно к обвиняемому, но и к другим субъектам (потерпевшему, гражданскому истцу и др.). Вот почему представляются желательными дополнения УПК в указанной части.

Фактически уголовно-процессуальный закон исходит из того, что субъектами уголовно-процессуальных отношений могут быть как должностные лица, так и граждане, обладающие процессуальной правоспособностью и дееспособностью (хотя прямо на это не указывает). Эти субъекты по-разному вовлекаются в сферу уголовно-процессуальных отношений: одни — в силу должностных обязанностей (суд, прокурор, следователь, дознаватель); другие — путем реализации своих субъективных прав (потерпевший, гражданский истец, их законные представители); третьи — по решению представителей власти (подозреваемый, обвиняемый, свидетель, эксперт, специалист, понятой и др.); четвертые — исполняя поручения, полученные от другого лица (защитник, представитель).

Осуществляя уголовно-процессуальные функции, субъекты, ответственные за ведение уголовного дела, обязаны не только разъяснить участвующим в уголовном процессе лицам их права, но и обеспечить возможность их осуществления (ст. 58 УПК). Прежде всего такие обязанности необходимо выполнить в отношении лиц, имеющих собственные интересы в уголовном процессе: подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика. Важнейшей предпосылкой реализации субъективных прав указанными лицами является их своевременное вступление в сферу производства по уголовному делу. Но для этого недостаточно определить момент вступления субъекта права в дело (хотя это важно). Не менее важно определить в законе понятие субъекта. Без точного определения в УПК понятия субъектов уголовно-процессуального права невозможны реальное функционирование уголовно-процессуальных отношений и реализация через них процессуальных прав.

Нельзя отрицать тот факт, что законодатель предпринимал попытки дать нормативное определение указанных субъектов уголовного процесса (ст. 46, 52, 53, 54 УПК). Но в настоящее время данные в действующем законе определения вряд ли можно признать достаточными (25, 27, 30, 31, 40, 43, 76, 94). Уточнения закона необходимы тем более теперь — ввиду принятия новой Конституции Российской Федерации. Понятие указанных субъектов уголовно-процессуального права в настоящее время следовало бы дать, как представляется, с учетом презумпции невиновности — глобального принципа уголовного процесса, провозглашенного Конституцией (ст. 49(1)). Хотя указанный принцип был уже известен прежней Конституции, презумпция невиновности не учтена при уже осуществленных дополнениях

ряда положений действующего УПК, хотя в него только в 1993 г. восемь раз вносились изменения.

2.4. Субъекты уголовно-процессуальных отношений могут быть классифицированы по различным внешним признакам. Наиболее предпочтительным представляется такой подход, при котором учитываются: цель участия субъекта, направление его деятельности, ее связь с задачами уголовного процесса, отношение к итогам производства по уголовному делу. В литературе высказаны различные позиции на этот счет, в том числе и автора, взгляды которого претерпели определенную эволюцию (1, 7, 11, 17, 21). Однако при всех условиях диссертант считает возможным выделить следующие группы субъектов:

а) государственные органы, осуществляющие производство по уголовным делам (суд, судья, следователь, прокурор, начальник следственного отдела, орган дознания, дознаватель);

б) субъекты, имеющие правовой интерес в уголовном процессе (подозреваемый, обвиняемый, потерпевший, гражданский истец, гражданский ответчик);

в) их защитники и представители.

В связи с положением Конституции (ст. 123 (3) об осуществлении правосудия в России на основе состязательности и равноправия сторон на этапах производства дела в суде возможно выделение в качестве субъектов уголовно-процессуальных отношений таких субъектов, как стороны. Но в этом случае за основу классификации берется отношение к обвинению.

Вступая в правоотношения, все субъекты реализуют свои права и обязанности. Неодинакова их роль в уголовном судопроизводстве, различно их влияние на ход и исход уголовного производства. Одни субъекты участвуют эпизодически, другие — на отдельных этапах одной из стадий производства, третьи — в одной стадии уголовного процесса, четвертые — в нескольких стадиях. Но ведущая роль в этих отношениях при всех условиях принадлежит государственным органам, ответственным за производство по уголовному делу, наделенных правом применения норм права и принятия процессуальных решений. От этих лиц во многом зависит ход дела, они обязаны разъяснить и обеспечить реализацию прав другим участникам процесса, которые вне отношений с государственным органом не могут этого сделать, а потому и реализовать имеющиеся субъективные права.

3. Другие направления и аспекты исследований

Правоотношения в уголовном процессе моделируются нормами уголовно-процессуального права. В связи с этим диссертант исследовал проблему адресата этих норм. В его работах отмечено наличие уголовно-процессуальных норм: а) адресованных определенным группам субъектов отношений (сторонам, субъектам—государственным органам, субъектам с собствен-

ными процессуальными интересами и т. п.); б) распространяющих свои действия не только в отношении прямого адресата (обвиняемых, подозреваемых, потерпевших и т. п.), но и на тех субъектов, от которых (суд, судья, следователь, дознаватель, прокурор) зависит реализация прав и обязанностей называемыми субъектами. При этом нормы, определяющие правовой статус субъектов, имеют двусторонний, представительно-обязывающий характер. Такой характер присущ нормам, регулирующим статус не только граждан, но и властных субъектов. Автор продолжительное время отстаивает необходимость обеспечения режима строгого выполнения нормами уголовно-процессуального права регулятивных (правоустановительных) функций, полагая, что только позитивное решение этой задачи в процессе правоприменения обуславливает установление уголовно-правовых отношений и вызывающих их к жизни юридических фактов (совершение уголовно наказуемого деяния), без чего не может быть приведен в действие механизм применения уголовной ответственности. Это, в свою очередь, означает выполнение нормами уголовно-процессуального права и правоотношениями правоохранительных функций. Таким образом, хотя установление в уголовно-процессуальном праве регулятивных норм в конечном итоге обусловлено необходимостью обеспечения реализации правоохранительных функций уголовного права, эффективность их действия на практике отражает выполнение уголовно-процессуальным правом правоохранительных задач, установленных законом (ст. 2, 3 УПК).

Взаимосвязь применения норм материального (уголовного) и процессуального права столь же органична, как и связь соответствующих правоотношений. Но связь отношений и норм не столь однозначна, как это иногда полагают, считая, что «... в равной мере как уголовный процесс обслуживает уголовное право, так и уголовное право служит уголовному процессу, определяя преступное и непроступное» (Якупов Р. Х. Правоприменение в уголовном процессе. — М., 1993. С. 49). Оставив в стороне неточности уголовно-правового характера, отметим ошибочность данного суждения в части уголовно-процессуального права. Во-первых, связь между уголовным правом и процессом опосредована уголовно-процессуальным правом. Во-вторых, конечно, неприемлемо утверждение «о равной мере». Если процессуальные отношения вторичны, а уголовно-правовые отношения играют роль детерминанта, то применение норм уголовно-процессуального права, напротив, «опережает» применение норм уголовного права. В противном случае невыполнима служебная роль и уголовно-процессуального права, и уголовно-процессуальных отношений. Нельзя забывать при этом, что только суд компетентен признать лицо виновным в совершении конкретного преступления, а также подвергнуть его уголовному наказанию и что законодатель предъявляет

повышенные требования именно к тому процессуальному акту — приговору, которым суд, осуществляя правосудие, признает лицо виновным или невиновным, дает юридическую оценку его деяниям, квалифицирует их соответствующей статьей Особенной части Уголовного кодекса и назначает наказание. Иными словами, суд является решающим субъектом применения уголовного права.

Конечно, нормы уголовного закона применяют также органы расследования и прокурор, надзирающий за правильным применением ими законов. Но они (в отличие от суда) применяют в указанных случаях лишь диспозицию уголовно-правовой нормы. Различный объем применения уголовно-правовых норм вызывает и различные юридические последствия. Однако во всех без исключения случаях применение норм уголовного права (даже только в части диспозиции) невозможно без одновременного применения норм уголовно-процессуального права. Более того, именно процессуальные акты одновременного применения норм уголовного и уголовно-процессуального права имеют ключевое значение, поскольку с ними, как сложными юридическими фактами, связано возникновение не одного, а множества уголовно-процессуальных отношений. Знаменательно, что уголовно-процессуальные нормы, выполняя служебную роль в отношении норм уголовного права, обеспечивая их применение (а следовательно, в конечном итоге — и эффективность), одновременно являются гарантом прав личности, притом прав не только процессуальных, но и конституционных. Вот почему многие базовые процессуальные нормы содержатся в Конституции, а рекомендации по принятию соответствующего национального законодательства — в международно-правовых актах общего характера.

Мы разделяем позиции ученых, признающих властное начало обязательным атрибутом субъекта, применяющего правовую норму, так как акт применения нормы права всегда связан с воздействием на обязанных лиц (В. В. Лазарев, П. Е. Недбайло). Такая позиция предполагает критическое отношение к противоположным взглядам. (Л. Б. Зусь).

Сказанное, однако, не означает отрицания иных форм реализации процессуальных норм: их соблюдения, исполнения, использования. Эти формы реализации норм права не чужды уголовному процессу. И не только применение нормы права ведет к образованию правоотношения в уголовном процессе. Использование права может вызывать аналогичные последствия, оно сопряжено с выбором субъектом варианта поведения (В. В. Лазарев), причем в уголовном судопроизводстве использование субъективного права одним субъектом права связано с применением (а иногда еще и исполнением) нормы права другим субъектом. Но применение норм уголовно-процессуального права сопряжено с принятием решений и формированием

базы для этого, а также применением норм уголовного права. К регулированию отношений посредством исполнения, использования норм процессуального права законодатель, в частности, прибегает, когда моделирует варианты поведения субъекта с самостоятельными процессуальными интересами (обвиняемого, подозреваемого, потерпевшего, гражданского истца и др.). Что же касается такой формы реализации нормы права, как применение, то в уголовном процессе ею наделены лишь субъекты—носители властных полномочий.

В работах диссертанта рассматриваются в теоретическом и прикладном аспектах последствия неправильного применения норм уголовно-процессуального права, неточного их исполнения, соблюдения и использования (1, 6, 16, 18, 20, 30, 31; 34, 40; 43; 62, 63, 83—85, 87, 88, 91). При этом отмечается, что, во-первых, в процессе производства по уголовному делу нередко имеют место нарушения уголовно-процессуальных норм, вызывающие последствия, выходящие за чисто процессуальные рамки. Во-вторых, применение и исполнение некоторых процессуальных норм охраняется не только санкциями, предусмотренными нормами уголовно-процессуального права, но и нормами других отраслей права (уголовного, административного). Такая специфика обеспечения правильного применения и исполнения закона вызвана тем, что в указанных случаях возникают комплексные отношения, регулируемые нормами нескольких отраслей права.

3.2. В работах автора уделено внимание источникам (формам) уголовного процессуального права. При этом отмечено, что важность предмета правового регулирования в сфере уголовного судопроизводства предопределила признание закона как единственного носителя уголовно-процессуальных норм. Показаны преимущества кодекса как основной формы уголовно-процессуального права, его преимущества перед другими законами, которые в иерархии нормативных актов занимают более низкое («подчиненное») положение по отношению к Уголовно-процессуальному кодексу. Не отвергая значение комплексных нормативных актов (законов о милиции, об ОРД, о прокуратуре и т. п.) в регулировании уголовно-процессуальных отношений, диссертант аргументирует необходимость соблюдения их согласованности, единства в регулировании уголовно-процессуальных отношений, соответствия УПК (1, 23, 24, 45, 86).

Отмечая определенные достижения в формировании уголовно-процессуального законодательства за последние годы, автор предполагает, что он мог бы идти интенсивнее. В Российской Федерации имел место ряд негативных факторов, отрицательно повлиявших на ход, единство и согласованность принимаемых нормативных актов, в том числе и чисто юридического характера: затяжка с принятием новой Конституции, отсутствие нового Уголовного кодекса, незавершенность построения правоохранительных органов и судебных учреждений, отсутствие закона

о судеустройстве, противоречивость конституционных положений прежнего Основного Закона в части разграничения полномочий Российской Федерации и ее субъектов в области законодательства. Сказались на ходе судебной реформы тенденции ряда субъектов Федерации иметь там, где этого не требуется, свое «оригинальное» законодательство, не вполне согласованное с законами России, а иногда и противоречащее ему (45, 86).

Надо думать, активизации законодательного процесса, развитию судебной реформы, обновлению уголовно-процессуального законодательства будет способствовать более полное, последовательное и четкое решение в Конституции 1993 г. вопросов разграничения компетенции Российской Федерации и ее субъектов в области законодательства (ст. 71—73) и о приоритете законов Российской Федерации в случае противоречия им законов субъектов Федерации по вопросам, отнесенным к компетенции России (ст. 76).

В ходе проводимых исследований автор пришел к выводу: новый Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, создаваемый в соответствии с новой Конституцией, должен стать основным уголовно-процессуальным законом, которому должны строго соответствовать как нормы законов субъектов Федерации, так и нормы законов России, в которых так или иначе решаются вопросы уголовного процесса. В новом УПК должно быть не только сохранено, но даже усилено положение ч. 4 ст. 1 действующего УПК о том, что установленный законом порядок судопроизводства является единым и обязательным для всех судов, органов расследования, прокуратуры.

Конечно, речь не идет о противопоставлении норм УПК нормам Конституции. В случае их противоречия приоритет принадлежит конституционным нормам, которые имеют высшую юридическую силу и наделены свойством прямого действия в любой сфере общественных отношений (ст. 15 Конституции РФ). По общему правилу конституционные нормы процессуального характера должны быть «вплетены» в ткань уголовно-процессуального закона. Но это не всегда должно быть простым воспроизведением конституционных норм. Хотя в ст. 15 (1) новой Конституции РФ декларируется ее прямое действие, в сфере уголовного судопроизводства даже объявленные нормы прямого действия нуждаются в создании специального механизма по реализации. Отчасти подтверждение этому можно обнаружить в разд. 2 Конституции «Заключительные и переходные положения». В ч. 1 ст. 6 этого раздела указано, что до установления специальным законом порядка рассмотрения дел судом присяжных заседателей сохраняется прежний порядок рассмотрения соответствующих дел. Аналогичная оговорка содержится относительно порядка ареста, содержания под стражей и задержания (ч. 2 ст. 6). Но не только эти установления Конституции нуждаются в специальном механизме. Например, опубликова-

ние Конституции 1993 г. вызвало необходимость незамедлительного разъяснения со стороны пленума Верховного суда России порядка применения ст. 23 и 25 Конституции РФ. Однако механизм или порядок применения правовых норм в сфере уголовного судопроизводства — это предмет Уголовно-процессуального кодекса. Ни постановления пленума Верховного суда России, ни акты Генерального прокурора РФ, ни приказы и инструкции МВД РФ не могут компенсировать того, чего нет в УПК. Сказанное не исчерпывает перечень конституционных норм, рассчитанных на реализацию в уголовном процессе (не только в нем) и нуждающихся в механизме их применения. К их числу можно отнести, например, ст. 45 (2), 46 (1), 48, 52, 53 Конституции.

Нормы Конституции, нуждающиеся в специальном механизме реализации, в определенном смысле являются как бы нормами прямого действия прежде всего в отношении законодателя. Последний обязан в кратчайший срок не только инкорпорировать в УПК конституционные нормы, рассчитанные на действие в уголовном процессе, но и предусмотреть порядок реализации этих норм в различных стадиях и через разные институты уголовного судопроизводства.

Однако было бы не совсем правильным ориентировать во всех случаях суды и правоохранительные органы на ожидание от высших органов законодательной власти очередных изменений УПК или даже принятия нового УПК. Дело в том, что некоторые положения Конституции существенно опережают уголовно-процессуальное законодательство, относящееся к правам человека и гражданина, причем в конституционных нормах они представлены с учетом международно-правовых нормативных актов. Однако и в рассматриваемых случаях прямое действие конституционных норм в сфере уголовного судопроизводства возможно постольку, поскольку для этого не требуется специального механизма реализации. Например, презумпция невиновности и вытекающие из нее положения ст. 49 Конституции могут вполне непосредственно применяться при производстве по уголовному делу.

Надо, однако, признать, что отрицательные последствия в процессе правоприменения могут наступить в результате неразрешенных коллизий не только между Конституцией РФ и УПК, но и между последним и принятыми в 1992—1993 гг. комплексными и между последним и принятыми в 1992—1993 гг. комплексными нормативными актами — законами «О прокуратуре Российской Федерации», «Об оперативно-розыскной деятельности в Российской Федерации», «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации» и др.

Не соответствующими или не вполне соответствующими нормам УПК автор считает, в частности, положения п. 1 ст. 26, п. 4 ст. 31, ч. 1 ст. 9, ч. 1 ст. 32, ст. 34 Закона о прокуратуре; ч. 3 ст. 5, ч. 1 ст. 10 Закона об ОРД; п. 7 ст. 3, ч. 1 ст. 5 Закона о частной детективной и охранной деятельности. Позиция пре-

дельно категорична: приоритет в решении уголовно-процессуальных вопросов в сфере уголовного судопроизводства принадлежит Конституции и УПК Российской Федерации (23, 24, 45, 86). Нельзя согласиться с получившими в последнее время распространение попытками рассматривать положения упомянутых комплексных законов России (о прокуратуре, об ОРД и др.) как уточняющие и дополняющие УПК. Не подкрепляет эти попытки аргумент о том, что соответствующим актам отдается предпочтение еще и потому, что по времени они приняты после УПК. Действительно, правила толкования норм права исходят из того, что положениям последних по времени актов действительно должен быть отдан приоритет, однако с условием, что речь идет о законах одного уровня. В рассматриваемом же случае указанные замены и УПК занимают разное место в иерархии нормативных актов, причем более высокое место в ней принадлежит кодексу. Поэтому положения указанных законов могут действовать лишь при условии, что они не вступают в коллизии с нормами УПК. В противном случае предпочтение отдается УПК.

Особое значение для уголовного процесса имеет вопрос о применении норм гражданского процессуального права при рассмотрении гражданского иска в уголовном процессе. Рассмотрев указанную проблему, автор пришел к выводу, что в общих положениях УПК необходимо специально закрепить возможность применения норм ГПК при рассмотрении гражданского иска в уголовном деле при условии, если: решение вопроса не предусмотрено нормами УПК; не расширяет рамки гражданского иска в уголовном процессе; не противоречит нормам УПК.

ОСНОВНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ ПО ТЕМЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Монографии

1. Уголовно-процессуальные правоотношения.— М.: Юрид. лит., 1975.— 10 п. л.
2. Уголовный процесс в европейских государствах / Под ред. В. П. Божьева.— М.: Юрид. лит., 1978.— 20 п. л. (в соавторстве).
3. Становление Основ общесоюзного законодательства.— М.: Юрид. лит., 1972.— 18 п. л. (в соавторстве).
4. Участие защитника на предварительном следствии // Проблемы предварительного следствия / На польском яз.— Краков: Краковский ун-т, 1973.— 1 п. л.
5. Кучера К. Участие защитника при расследовании преступлений ООБ КНБ ЧССР: Монография / Деп. в ГИЦ МВД СССР. 1988. № 376 ДД / Под ред. и с предисловием В. П. Божьева.— 8 п. л.
6. Гражданский иск в уголовном процессе // Курс советского уголовного процесса. Общая часть.— М.: Юрид. лит., 1989.— 1 п. л.

Учебники

7. Советский уголовный процесс. Общая часть: Учебник для вузов МВД СССР.— М.: ВШ МВД СССР, 1973. Гл. 3—6.— 5,5 п. л.
8. Уголовный процесс МНР. Учебник для студентов Монгольского гос. ун-та.— М.: Юрид. лит., 1974. Гл. 1 (§ 1, 2), 2, 3, 12 (§ 1), 14, 15.— 5 п. л.
9. Советский уголовный процесс. Особенная часть: Учебник для вузов МВД СССР.— М.: Академия МВД СССР, 1976. Гл. 22, 30.— 2 п. л.
10. Советский уголовный процесс: Учебник для вузов МВД СССР.— М.: Академия МВД СССР, 1982. Гл. 5, 21, 22, 30, 31.— 4,3 п. л.
11. Уголовный процесс: Учебник для иностранных слушателей вузов МВД СССР / Под ред. В. П. Божьева (автор шести глав.— 7 п. л.).— М.: Академия МВД СССР, 1989.— 29 п. л.
12. Советский уголовный процесс: Учебник для сред. спец. учеб. заведений МВД СССР / Под ред. В. П. Божьева (автор пяти глав.— 5,5 п. л.).— М.: Юрид. лит., 1990.— 24 п. л.

Пособия

13. Предание суду и подготовка дела к слушанию // Настольная книга судьи.— М.: Юрид. лит., 1972.— 1,1 п. л.
14. Советский уголовный процесс. Часть общая: Учебное пособие.— Волгоград: ВСШ МВД СССР, 1973.— 4 п. л. (в соавторстве).
15. Участники уголовного процесса // Уголовный процесс. Часть общая: Учебное пособие для практических занятий.— М.: ВШ МВД СССР, 1973.— 1 п. л.
16. Комментарий к УПК РСФСР.— М.: Юрид. лит., 1976. Гл. 13—15, 18, 19, 27, 28.— 8 п. л.
17. Основные вопросы советского уголовного процесса (общие положения): Учебное пособие.— М.: Академия МВД СССР, 1978.— 5 п. л.
18. Комментарий к УПК РСФСР.— М.: Юрид. лит., 1981. Гл. 13—15, 18, 19, 27, 28.— 7,5 п. л.
19. Источники доказательств по законодательству СССР и других социалистических государств: Учебное пособие.— М.: Академия МВД СССР, 1981.— 5 п. л. (в соавторстве).
20. Комментарий к УПК РСФСР.— М.: Юрид. лит., 1985. Гл. 13—15, 18, 19, 27, 28.— 7 п. л.
21. Вопросы общей части уголовного процесса: Учебное пособие.— М.: Академия МВД СССР, 1986. Гл. 1—5.— 4,2 п. л.
22. Процессуальные акты предварительного расследования.— М.: Юрид. лит., 1991. Гл. 5, 6, 8.— 2,5 п. л.

23. Источники уголовно-процессуального права и новое законодательство.— М.: Академия МВД СССР, 1990.— 3 п. л.

24. Новое законодательство России и развитие уголовного процесса // Уголовно-процессуальное законодательство и его развитие.— М.: Академия МВД РФ, 1993. Ч. 1.— 1,5 п. л.

Статьи в ученых записках, трудах, сборниках

25. К вопросу о понятии потерпевшего в советском уголовном процессе: Ученые записки / ВИЮН.— М., 1962. Вып. 15.— 2 п. л.

26. Участие потерпевшего в расследовании // Вопросы криминалистики.— М., 1962. № 6—7.— 0,7 п. л.

27. Рец. на кн.: *Савицкий В. М., Потеружа И. И.* Потерпевший в советском уголовном процессе // Вопросы борьбы с преступностью: Сб. трудов.— М.: Юрид. лит., 1967. Вып. 5.— 0,4 п. л.

28. Предание суду по уголовно-процессуальному законодательству: Ученые записки / ВНИИСЗ.— М., 1967. Вып. 11.— 1 п. л.

29. Правовое положение представителя потерпевшего // Советская адвокатура.— М.: Юрид. лит., 1968.— 0,3 п. л.

30. Представительство в уголовном процессе: Ученые записки / ВНИИСЗ.— М., 1969. Вып. 15.— 1 п. л.

31. Гражданский иск в уголовном процессе: Ученые записки / ВНИИСЗ.— М., 1969. Вып. 17.— 1 п. л.

32. Основания отмены и изменения приговоров, определений и постановлений в порядке надзора: Ученые записки / ВНИИСЗ.— М., 1969. Вып. 18.— 2 п. л. (в соавторстве).

33. Некоторые вопросы социалистической законности: Труды / ВШ МВД СССР. 1971. Вып. 28.— 0,3 п. л.

34. Нарушения на предварительном следствии норм УПК, влекущие отмену приговоров и определений // Научный комментарий судебной практики за 1971 год.— М.: Юрид. лит., 1972.— 1,4 п. л. (в соавторстве).

35. Становление Основ общесоюзного законодательства о судостроительстве: Труды / ВШ МВД СССР.— М., 1973. № 35.— 1 п. л.

36. Нормативно-правовые предпосылки повышения эффективности прокурорского надзора // Совершенствование прокурорского надзора в СССР.— М., 1973.— 0,6 п. л.

37. Защитник — субъект правоотношений на предварительном следствии // Проблемы предварительного следствия: Труды / ВШ МВД СССР.— Волгоград, 1974. Вып. 3.— 1 п. л.

38. Первые Основы судостроительства СССР и союзных республик и их значение для становления законодательства // Вопросы организации суда и осуществления правопорядка в СССР: Труды / Калинингр. ГУ.— Калининград, 1977. Вып. 5.— 0,8 п. л.

39. Значение судебной практики для совершенствования работы следственных подразделений // Вопросы работы следственных органов МВД СССР.— Волгоград: ВШ МВД СССР, 1981.— 0,5 п. л.

40. Предпосылки усиления защиты прав и интересов потерпевшего в уголовно-процессуальной деятельности // Проблемы повышения качества уголовно-процессуальной деятельности в условиях перестройки: Сб. науч. трудов.— Ижевск: Удмуртский гос. ун-т, 1989.— 0,6 п. л.

41. Пути совершенствования правового регулирования сроков уголовно-процессуального задержания // Правовое принуждение в борьбе с преступностью: Сб. науч. трудов.— М.: МВШМ МВД СССР, 1989.— 0,4 п. л. (в соавторстве).

42. Процессуальная самостоятельность и независимость следователя: история и современность // Проблемы формирования социалистического правового государства: Труды / Академия МВД СССР, 1991.— 0,5 п. л. (в соавторстве).

43. Условия допуска потерпевшего к участию в предварительном следствии // Предварительное следствие в условиях правовой реформы: Сб. науч. трудов.— Волгоград: ВШ МВД СССР, 1991.— 0,6 п. л.

44. Предпосылки активизации участия обвиняемого в доказывании на предварительном следствии // Проблемы предварительного расследования: Сб. науч. трудов / Омская ВШМ МВД РФ.— Омск, 1993.— 0,5 п. л.

45. Некоторые итоги осуществления судебной реформы в Российской Федерации // Проблемы совершенствования уголовного и уголовно-процессуального законодательства России: Межвузовский сб. науч. трудов.— М.: МВШМ МВД СССР, 1993.— 0,4 п. л.

46. К вопросу о регламентации деятельности следственных аппаратов в России // Состояние законности, борьбы с преступностью и коррупцией.— М.: Академия МВД РФ, 1993.— 0,45 п. л.

47. Уголовно-правовые отношения: состав, содержание, связь с процессуальными отношениями // Проблемы уголовной политики и уголовного права: Сб. науч. трудов / МВШМ.— 0,5 п. л. (в производстве).

Статьи в периодических изданиях

48. Процессуальное положение потерпевшего // Сов. юстиция. 1959. № 9.— 0,4 п. л.

49. Особенности рассмотрения дел частного обвинения // Сов. юстиция. 1961. № 12.— 0,5 п. л.

50. Право потерпевшего на кассационное обжалование // Сов. юстиция. 1962. № 5.— 0,4 п. л.

51. Защита прав потерпевшего // Сов. юстиция. 1963. № 1.— 0,4 п. л. (в соавторстве).

52. Обеспечение прав потерпевшего в стадии предания суду // Сов. юстиция. 1964. № 2.— 0,3 п. л.

53. Спорные вопросы теории доказательств в советском уголовном процессе // Соц. законность. 1965. № 5.— 0,3 п. л. (в соавторстве).

54. Рец. на кн.: *Перлов И. Д.* Исполнение приговора // Сов. гос-во и право. 1965. № 6.— 0,25 п. л. (в соавторстве).

55. Рец. на кн.: *Гальперин И. М., Лукашевич В. З.* Предание суду в советском уголовном процессе // Сов. юстиция. 1965. № 23.— 0,2 п. л.

56. Рец. на кн.: *Лукашевич В. З.* Гарантии прав обвиняемого в стадии предания суду // Правоведение. 1967. № 2.— 0,25 п. л. (в соавторстве).

57. Адвокат — представитель потерпевшего // Сов. юстиция. 1968. № 2.— 0,5 п. л. (в соавторстве).

58. Следует ли представителей общественности в суде делить на обвинителей и защитников // Соц. законность. 1968. № 4.— 0,3 п. л.

59. Пути совершенствования законодательства о предании суду // Правоведение. 1969. № 6.— 0,5 п. л.

60. Рец. на кн.: *Строгович М. С.* Курс советского уголовного процесса // Сов. гос-во и право. № 10. 1970.— 0,5 п. л. (в соавторстве).

61. Рец. на кн.: *Бойков А. Д.* Роль защитника в предупреждении преступлений // Сов. гос-во и право. 1971. № 11.— 0,3 п. л.

62. Применение норм ГПК при рассмотрении гражданского иска в уголовном процессе // Сов. юстиция. 1971. № 15.— 0,3 п. л.

63. Обеспечение прав потерпевшего в стадии судебного разбирательства // Сов. юстиция. 1972. № 1.— 0,5 п. л.

64. Рец. на кн.: *Савицкий В. М.* Государственное обвинение в суде // Сов. гос-во и право. 1972. № 1.— 0,25 п. л. (в соавторстве).

65. Рец. на кн.: Научно-практический комментарий к УПК РСФСР (3-е изд.) // Сов. юстиция. 1972. № 6.— 0,5 п. л. (в соавторстве).

66. Обеспечение национального языка уголовного судопроизводства // Сов. юстиция. 1972. № 13.— 0,5 п. л. (в соавторстве).

67. Уголовно-правовые и процессуальные правоотношения // Сов. гос-во и право. 1974. № 1.— 0,8 п. л. (в соавторстве).

68. Рец. на кн.: *Якубович Н. А.* Теоретические основы предварительного следствия // Правоведение. 1972. № 5.— 0,5 п. л. (в соавторстве).

69. Рец. на кн.: *Каткало С. М., Лукашевич В. З.* Производство по делам частного обвинения // Сов. юстиция. 1973. № 6.— 0,3 п. л.

70. Последствия нарушения норм УПК при проведении опознания // Сов. милиция. 1974. № 3.— 0,3 п. л. (в соавторстве).
71. Процессуальное положение потерпевшего // Сов. юстиция. 1975. № 8.— 0,5 п. л.
72. Рец. на кн.: Грошевой Ю. М. Проблемы формирования судебного убеждения в советском уголовном процессе // Радянське право. 1976. № 2.— 0,2 п. л.
73. Обстоятельства, препятствующие участию защитника в уголовном деле // Сов. юстиция. 1981. № 3.— 0,2 п. л.
74. Алиби // Человек и закон. 1985. № 1.— 0,4 п. л.
75. Задержание // Человек и закон. 1985. № 10.— 0,2 п. л.
76. Гражданский иск в уголовном деле и применение гражданского процессуального права // Сов. гос-во и право. 1986. № 8.— 0,8 п. л.
77. Потерпевший // Человек и закон. 1988. № 11.— 0,15 п. л.
78. Обсуждение проекта Основ уголовного законодательства // Сов. юстиция. 1989. № 7.— 0,25 п. л.
79. Новое в уголовном судопроизводстве // Сов. юстиция. 1990. № 19.— 0,45 п. л.
80. Частное обвинение в уголовном судопроизводстве // Человек и закон. 1990. № 10.— 0,3 п. л.
81. Возмещение в РСФСР имущественного ущерба потерпевшему // Адвокат. 1991. № 4.— 0,5 п. л.
82. Об обеспечении независимости судей // Вестник Верховного Суда СССР. 1991. № 9.— 0,2 п. л.
83. Всесторонность, полнота и объективность исследования обстоятельств уголовного дела // Сов. юстиция. 1991. № 19.— 0,5 п. л.
84. Применение норм УПК при рассмотрении дел частного обвинения // Сов. юстиция. 1992. № 15—16.— 0,5 п. л.
85. Процедурные «мелочи» (уроки одного дела) // Милиция. 1992. № 8.— 0,4 п. л.
86. А не споткнемся о «швы» и «стыки»? (О издержках разрозненного законодательного процесса) // Юридический вестник. 1992. № 15.— 0,5 п. л.
87. Обеспечивается ли обвиняемому право выбора защитника? // Гос-во и право. 1993. № 2.— 0,5 п. л.
88. Суд не устранил сомнения в виновности подсудимого // Сов. юстиция. 1993. № 8.— 0,3 п. л.
89. Проблемы организации следственного аппарата // Информ. бюллетень СК МВД РФ. 1993. № 2.— 0,6 п. л.
90. А надо ли собирать всех под одну «крышу»? (К проекту Закона о Следственном комитете) // Юридический вестник. 1993. № 10.— 0,35 п. л.
91. Предположения — не доказательство // Милиция. 1993. № 6.— 0,4 п. л.
92. Мету пресечения изменить... // Человек и закон. 1993. № 8.— 0,45 п. л.
93. Выбор защитника: декларация или реальность? // Сов. юстиция. 1993. № 12.— 0,35 п. л.
94. Процессуальный статус потерпевшего // Юстиция. 1994. № 1.— 0,45 п. л.

Тезисы научных сообщений

95. Выступление на заседании посвященном обсуждению Курса советского уголовного процесса М. С. Строговича: Труды / ВШ МВД СССР.— М., 1972. Вып. 32. С. 195—196.
96. Некоторые предпосылки повышения эффективности прокурорского надзора: Тезисы сообщений на научной конференции // Прокурорский надзор.— М., 1972. С. 37—39.
97. Суд — основной субъект судебного разбирательства: Тезисы сообщений на научной конференции // Совершенствование организации воспитательного и предупредительного воздействия судебных процессов.— М., 1974. С. 22—23.

98. Время действия уголовных материальных и процессуальных отношений: Тезисы научной конференции // Демократия и право развитого соц. общества.— М.: МГУ, 1975. С. 384—386.

99. Суд — главный субъект уголовно-процессуальных отношений: Тезисы научной конференции // Юридические гарантии применения права.— Ярославль, 1976. С. 141—144.

100. Выступления на Всесоюзном координационном совещании о проекте Основ законодательства о судоустройстве // Научная информация по вопросам борьбы с преступностью.— М., 1989. № 113. С. 42—45.

101. Выступления на Всесоюзном координационном совещании о проекте Основ уголовного судопроизводства // Научная информация по вопросам борьбы с преступностью.— М., 1990. № 124. С. 69—72.

102. Участие в обсуждении разделов проекта новой Конституции — «Судебная власть», «Прокуратура» // Научная информация по вопросам борьбы с преступностью.— М., 1990. № 127. С. 28—30.

103. Об учете взаимосвязи норм УК и УПК в процессе новой кодификации // Проблемы реформы уголовного законодательства Российской Федерации.— М.: Академия МВД РФ, 1992. С. 75—79.

104. Обеспечение судебного контроля за законностью и обоснованностью ареста: Тезисы научной конференции // Проблемы обеспечения прав личности в современных условиях.— Волгоград, 1992. С. 180—183.